

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1979

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ:
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1985

И. Е. Петросян, Ю. А. Петросян

**К ВОПРОСУ О ДВИЖУЩИХ СИЛАХ РЕФОРМАТОРСКОГО
И КОНСТИТУЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ
В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ
(некоторые процессы социальной трансформации)¹**

Военные поражения Османской империи в XVIII в. со всей очевидностью продемонстрировали ту степень военно-политической и социально-экономической слабости страны, симптомы которой обнаружились уже в конце XVI в. В XVII в. эти явления нашли свое отражение в сознании отдельных представителей правящего класса империи². Но лишь в XVIII в. были сделаны первые серьезные попытки найти новые пути решения проблем страны. При этом главное внимание султанов и их окружения было направлено на вопросы военной реорганизации Османской империи в целях восстановления ее военно-политического могущества. Разложение военно-ленной системы и потеря боеспособности янычарской пехоты, особенно остро проявившиеся в период русско-турецких войн 1768—1774 и 1787—1792 гг., вновь со всей остротой поставили перед правящими кругами Османской империи вопрос о необходимости проведения реформ. Объективные социальные, экономические и политические причины неуклонно подталкивали султанов и правящую бюрократическую верхушку к реформам, необходимость которых в военной области стала очевидной даже для султанов.

Уже в конце XVIII в. отдельные представители османской бюрократии начинают предлагать некоторые проекты реформ в ряде областей государственной жизни. Это особенно ярко проявилось со вступлением на престол султана Селима III, которому суждено было стать первым султаном-реформатором. Подготовленные по его инициативе в 1792 г. записки (ляиха) группы высокопоставленных сановников государства свидетельствуют о том, что в конце XVIII в. в османской бюрократической среде имелись люди, сознававшие необходимость некоторых реформ в государственных делах³. Примечательно, что глава ту-

рецкого посольства в Вене Ратиб-эфенди подал султану записку, в которой впервые за все время существования османской бюрократии прямо писал, что многие беды и недостатки Османской империи проистекают от превосходства военной и государственной организации европейских стран над турками⁴.

Конечно, реальное осуществление реформ в такой стране, как Османская империя, могло быть начато в конкретных условиях конца XVIII — начала XIX в. только с санкции самих султанов. Но ближайшее окружение такого монарха, как Селим III, уже выдвинуло ряд крупных деятелей, которые все более отчетливо сознавали необходимость проведения ряда военно-административных реформ. В их числе были ближайшие сподвижники Селима III — великий везир Коджа Юсуф-паша и реис-эфенди Рашид-эфенди, упомянутый выше Ратиб-эфенди и некоторые другие представители османской бюрократии. Начатое по личной инициативе султана проведение реформ сыграло значительную роль в процессе постепенного формирования той новой прослойки в османской бюрократии, которой суждено было стать движущей силой реформаторского движения первой половины XIX в. При этом следует отметить, что попытки военной реформы самого Селима III потерпели практически неудачу, так как круг людей из бюрократической верхушки, поддерживавших идею реформ, был крайне малочислен и слаб. Однако именно первые реформаторские попытки Селима III создавали условия для успеха реформ Махмуда II, которому удалось не только военная реорганизация (уничтожение янычарского корпуса в 1826 г. и начало формирования армии по европейскому образцу), но и ряд реформ в различных областях государственного устройства Османской империи.

В этом важном для ломки феодальных институтов процессе особую роль сыграла новая по умонастроениям прослойка в бюрократической верхушке. На протяжении полувека — от ликвидации янычарского корпуса в 1826 г. и до провозглашения первой турецкой конституции в 1876 г. — бюрократическая среда османского государства выдвинула таких выдающихся реформаторов, как вдохновитель танзимата Мустафа Решид-паша, активные организаторы танзиматских реформ Али-паша (Аали-паша) и Фунд-паша, «отец первой конституции» Ахмед Мидхат-паша. Однако круг лиц, готовых к буржуазным реформам, был значительно шире. Речь идет о сотнях по-новому (в том числе по-европейски) образованных чиновников, разделявших идеи лидеров реформаторского движения. Эта новая — по духу и общественно-политическим стремлениям — категория османской бюрократии была до середины XIX в., до появления другой важной социальной прослойки — молодой турецкой интеллигенции, главной социальной опорой и проводником новых реформ. Эти реформы⁵, по мысли их авторов, должны были

обеспечить создание и функционирование ряда новых политических, юридических, военных, социальных и культурных институтов при условии сохранения и упрочения одной из важнейших основ феодального османского государства — неограниченной власти султана в тесном союзе с крупным мусульманским духовенством, при условии незыблемости власти османского султана над покоренными в прошлом нетурецкими народами.

В 30-х годах XIX в. Махмуд II провел в жизнь одно из самых значительных социально-экономических мероприятий — юридическую ликвидацию отжившей свой век военно-ленной системы землевладения. Хотя это мероприятие представляло собой важную аграрную реформу, феодальные методы эксплуатации крестьянских масс, в частности система издольной аренды, сохранились и после реформы. И все же аграрная реформа, начатая в 1834 г., была шагом вперед в прогрессивном развитии страны, явилась важной предпосылкой для ломки феодальных отношений в сфере сельского хозяйства. «В результате этой реформы, — отмечает А. Д. Новичев, — аграрный режим в Турции из феодального стал полуфеодальным. Турецкие феодалы (а также другие феодалы-мусульмане) лишились не только своих военных привилегий, но и налоговых и административных прав по отношению к населению, проживавшему в пределах их леннов. Были созданы предпосылки для ускорения экономического и социального развития деревни»⁶.

Из других реформ Махмуда II заслуживают упоминания создание новой системы административного устройства империи, ряд крупных мер в реорганизации системы центральных органов власти, в частности создание министерств внутренних дел, иностранных дел и военного. В период его правления были учреждены постоянные турецкие посольства в ряде европейских столиц, что заложило основы для создания европейского типа системы дипломатических отношений.

Важную роль в процессах, связанных с зарождением и развитием новых, буржуазных по умонастроению социальных сил сыграли реформы в области образования и просвещения⁷. Новые учреждения и веяния в этой сфере повлияли уже на процесс формирования османской бюрократии эпохи танзиматских реформ. Особенно новая светская школа, опиравшаяся на европейский культурный опыт, содействовала появлению новой для Османской империи социальной прослойки — турецкой интеллигенции, которая несколько позже, на заключительном этапе танзиматских реформ и в период борьбы за первую конституцию, становится важнейшей социальной опорой буржуазных реформаторов и конституционалистов.

Училища, созданные по европейскому образцу в первой половине XIX в. в огромной степени с помощью европейских специалистов, готовили строевых офицеров, инженеров и артил-

леристов, медиков и навигаторов, воспитали за первые десятилетия своего существования сотни людей, получивших не только специальное образование европейского типа, но и знание европейских языков. Для этих людей был, таким образом, открыт доступ к достижениям европейской культуры, дан в руки инструмент для изучения социальных и государственных институтов, для освоения передовых для того времени духовных и материальных достижений буржуазных европейских стран.

Говоря о танзиматских реформах 40—60-х годов в рамках интересующей нас проблемы, следует наряду с важными реформами в области системы государственного управления, военного дела и образования особо выделить и охарактеризовать такие инструменты реформы, которые становились школой для новой прослойки османской бюрократии, призванной проводить реформы в жизнь.

Таковыми инструментами реформ стали довольно многочисленные новые органы государственного управления в столице империи⁸. Прежде всего следует отметить, что европеизация форм государственного управления началась с реорганизации высших светских органов власти — были постепенно учреждены министерства по всем ведомствам государственного управления и сформировался и начал действовать Совет министров. Штаты его канцелярий, как и канцелярий министерств, состояли из многих сотен чиновников, которым постепенно приходилось осваивать практику работы в новых, в определенной степени европейских по форме, учреждениях. Значительную роль в процессе осуществления реформ сыграл созданный еще в 1838 г. Высший совет юстиции. А. Д. Новичев отмечает, что этот совет подготовил ряд «законодательных актов, которые, при условии их проведения в жизнь, несомненно имели бы для страны и ее населения прогрессивное значение»⁹. Это обстоятельство примечательно, ибо свидетельствует о том, что круг деятелей совета объединял многих представителей новой для Турции, прогрессивно настроенной бюрократии. Конечно, не следует переоценивать значение этой стороны деятельности совета, который, подобно многим другим новым по форме установлениям, был продуктом традиционной османской бюрократической среды. И все же деятельность Высшего совета юстиции и других советов, европейские правила и нормы ведения государственных дел, необходимость в связи с этим знакомиться с европейским государственно-административным опытом — все это накладывало свой отпечаток на сознание и умонастроение чиновничьей среды этих канцелярий.

С 1853 г. начал действовать специальный Высший совет танзимата, который в 1861 г. был слит с Высшим советом юстиции (с тремя его отделами — административным, законопроектов и судебным). На базе этого совета был создан в 1868 г.

Государственный совет, ставший важнейшим государственным органом. Его первым председателем был Мидхат-паша, а функции совета, состоявшего из мусульман и немусульман, были весьма широки. Его отделы рассматривали важнейшие вопросы и законопроекты, касавшиеся военного дела, финансов, вакфов, гражданского и уголовного законодательства и судопроизводства, экономики и культуры.

Наряду с этими советами были созданы и действовали Высший совет при сераскере и состоявшее при этом совете специальное Бюро переводчиков, Совет главного артиллерийского интендантства, Совет народного просвещения, Совет публичных работ, Совет по вопросам здравоохранения, Финансовый совет, Совет по делам почты и телеграфа, Совет адмиралтейства, Совет земледелия, Совет промышленности и некоторые другие. Уже сами названия этих советов свидетельствовали о значительно расширившейся области дел османского государственного аппарата, о заметной дифференциации сферы государственного управления. Не все эти советы устойчиво функционировали на протяжении всего периода танзиматских реформ, ряд подобных органов оказался недолговечен, но большая часть действовала активно длительное время.

С деятельностью этих новых органов власти были связаны не только представители крупной бюрократии — члены названных советов, но и средние и мелкие чиновники, из которых комплектовались канцелярии и исполнительный аппарат советов. Поскольку все эти советы создавались с целью обеспечить проведение провозглашенных реформ в той или иной области государственного устройства, бюрократический аппарат советов так или иначе втягивался в процесс проведения конкретных реформ, принимал участие в их обсуждении. В то же время лидеры танзиматских реформ из высшей правящей верхушки были заинтересованы в расширении сторонников реформ в среднем звене столичного бюрократического аппарата. Это был один из важных путей формирования социальных сил, способных обеспечить реальное проведение реформ.

Другим важным инструментом этого процесса являлось приобщение османского бюрократического аппарата к светскому образованию. Реформы в этой области к середине XIX в. привели к появлению (пусть очень немногочисленных) представителей бюрократии, либо получивших образование в новых учебных заведениях, либо сумевших преодолеть ограниченность традиционного образования самообразованием светского типа. Эта группа лиц стала важным источником пополнения сил реформаторского движения.

Наконец, еще одним значительным каналом формирования новой прослойки бюрократии стала созданная Махмудом II система дипломатических сношений европейского типа. Этот

путь обеспечил появление целого слоя высшего и среднего чиновничества, приходившего к идее реформ через личное ознакомление с государственной системой европейских стран.

Появление османской бюрократии нового типа теснейшим образом связано с деятельностью вдохновителя танзиматских реформ Мустафы Решид-паши. Его собственная биография весьма характерна для представителей османских бюрократов — сторонников реформ. Будучи выходцем из очень скромной чиновничьей семьи (отец его был счетоводом в одном из вакфных хозяйств), Решид, подобно многим начинающим бюрократам своего времени, получил место на государственной службе благодаря своим родственным связям. Пройдя службу в различных канцеляриях ведомства великого везира, он в течение четырех лет значительно продвинулся по служебной лестнице и уже в 1834 г. был назначен послом в Париже¹⁰. Именно последнее обстоятельство делает биографию Решид-паши отличной от биографии османского бюрократа XVIII — начала XIX в. Дальнейший путь Решид-паши — посол в Лондоне и Париже, несколько раз занимал пост министра иностранных дел, многократно становился великим везиром¹¹ — примечателен тем, что один из ведущих деятелей танзимата прошел ту школу новой османской дипломатии в Европе, которая во многих случаях объективно содействовала (знание иностранных языков, длительное пребывание в различных европейских странах и хорошее практическое знание о них) формированию у молодых чиновников османского дипломатического ведомства реформаторских надежд и устремлений.

В этой связи заслуживают упоминания столь же характерные и важные этапы биографий сподвижников и продолжателей Мустафы Решид-паши, Али-паша — один из наиболее крупных деятелей танзимата — несколько раз посетил Европу, будучи секретарем посольства в Вене, советником и позже послом в Лондоне. Он работал в непосредственном окружении Решид-паши и в 1846 г. занял в его правительстве пост министра иностранных дел. Али-паша оставил этот пост с отставкой Решид-паши и вновь занял его с возвращением Решид-паши на пост великого везира. Примечательно, что позже он принял активное участие в деятельности по распространению естественнонаучных знаний в Османской империи. В частности, он был членом «Энджюмен-и даныш» («Общества знания»), созданного в 1851 г. и скопированного с Французской академии¹². Дальнейшая деятельность Али-паши в качестве лидера танзиматских реформ 60—70-х годов широко известна¹³.

Другой лидер танзимата — Фуад-паша также вышел на сцену политической жизни Османской империи благодаря покровительству Решид-паши, который обратил на него внимание в Бюро переводчиков. Подобно многим питомцам этого извест-

ного учреждения, представлявшего собой характерный институт и инструмент подготовки новой бюрократии, Фуад начал карьеру в Европе, став одним из крупных дипломатов 40-х годов. Именно эта деятельность подготовила его, подобно Решиду и Али, к активному участию в осуществлении танзиматских реформ. Он не раз был министром иностранных дел и великим везиром. Подобно Али-паше, он одно время являлся председателем Высшего совета танзимата, ставшего важным центром рассмотрения государственных дел и проектов реформ¹⁴.

Столь же характерно для биографий ряда других крупных бюрократов периода танзимата близкое личное знакомство с жизнью европейских государств и служба в турецких дипломатических представительствах в Европе. Этим путем прошел и Ахмед Вефик-паша — будущий первый председатель турецкого парламента и один из видных деятелей реформаторского движения. Его биография, пожалуй, наиболее выявляет характерную черту новой бюрократии этого периода — приобретение к светскому образованию и личное знакомство с практикой европейского государственного устройства. Он был выпускником военно-инженерного училища и даже окончил лицей Сен-Луи в Париже. Вефик-паша занимал ряд высших дипломатических постов в Европе, в частности был послом в Лондоне¹⁵. Эти же черты прослеживаются в биографиях других крупных чиновников периода танзимата — Намык-паши, Риза-паши, Кыбырлы Мехмед-паши, Садык-паши, Ариф-паши и многих других.

Сказанное не означает, что все крупные чиновники эпохи танзимата проходили именно таким путем, получая светское образование и приближаясь к достижениям европейской культуры. Огромное число бюрократов того времени ни по своему образованию, ни по характеру подготовки к государственной деятельности не отличались от старой османской бюрократии предреформенного периода¹⁶. Однако, несмотря на немногочисленность (речь идет не более чем о сотнях людей, а бюрократия страны исчислялась многими тысячами) новой по умонастроению османской бюрократии, активно выступавшей за приобщение страны к европейскому опыту, за усовершенствование институтов государственной машины Османской империи, эта новая часть бюрократии в 40—50-х годах XIX в. заявила о себе как о реальной политической силе. Именно эта бюрократия занимала посты на верхних ступенях правительственной власти и была инициатором в деле проведения ряда важных реформ. В данном случае мы имеем дело с явлением, характерным для «вторичных» буржуазных социальных революций в ряде стран Востока, когда политически немногочисленные, практически не связанные с очень слабо развитыми буржуазными слоями страны силы могут отражать и отражают в своей деятельности объективные потребности буржуазного со-

циально-политического развития страны. Во всяком случае, очевидно, что социальная и политическая значимость этой части бюрократии никак не определялась числом ее представителей, а той ролью, которую она сыграла в процессе реформирования государственной структуры и правовой системы страны. Ее положение и задачи были весьма сложны и многообразны. Американский исследователь Р. Чемберс пишет: «Турецкая гражданская бюрократия являлась одновременно (речь идет об эпохе реформ.— Авт.) объектом и агентом политической модернизации. Она являлась объектом, так как политическая модернизация потребовала новой практики ее комплектования и обучения; переориентации ее целей и ценностей; пересмотра самих понятий лояльности; радикальной перемены в бюрократической структуре государства... она же была агентом политической модернизации в силу того, что гражданские чиновники сами находились в числе турецких модернизаторов»¹⁷. Появление этой политической силы — отличительная особенность исторического развития Османской империи эпохи танзимата.

Оценивая социальную и политическую значимость деятельности этой бюрократии, следует коснуться вопроса об идейной платформе ее лидеров. Ни у Решиды, ни у Али и Фуада не было четко сформулированной программы реформ в виде какого-либо политического документа¹⁸. Говоря об этих лидерах танзимата, следует тем не менее признать, что они, в особенности Али и Фуад, продолжатели дела Решиды, обладали уже определенной системой воззрений на методы и пути преобразования своей страны. Наиболее четко стремления реформаторов выразил Фуад-паша: «Мы должны изменить все наши институты, как политические, так и гражданские»¹⁹. За этой фразой стояло понимание необходимости реформы социальной и политической структуры государства.

Конечно, объективной основой зарождения и развития реформаторского движения и его идеологии в Османской империи были конкретные экономические и социально-политические условия жизни османского государства этого периода. В условиях ярко выраженной застойности экономики страны, упадка ее военной мощи, уменьшения эффективности основных государственных институтов, значительного экономического и культурного отставания от наиболее развитых стран Европы, резкого усиления национально-освободительной борьбы нетурецких народов империи и возросшего вмешательства европейских держав во внутренние дела страны османские реформаторы стремились проводить такие реформы, осуществление которых по моделям и образцам государственного устройства более развитых стран Европы обеспечило бы политическую модернизацию в интересах сохранения и упрочения османского государства в новых для него социально-политических условиях. Бесспорно

вместе с тем, что всех лидеров реформаторов не в последнюю очередь волновал вопрос о сохранении границ империи, о сохранении власти османского султана над покоренными нетурецкими народами.

Оценивая процесс реформ, проводившихся по инициативе новой по умонастроению османской бюрократии, следует подчеркнуть, что объективно этот процесс вовлекал в дело проведение реформ и часть старой, традиционной бюрократии, а также местного провинциального чиновничества, вынужденного считаться и поневоле учиться новым для них нормам государственного администрирования. Примечательно, что этот процесс коснулся даже такого оплота старого феодального османского государства и его идеологии, как сословие улемов, отдельные представители которого приняли участие в реформах в сфере просвещения в 40—60-х годах²⁰.

Процесс реформ в Османской империи в XIX в. шел весьма неравномерно. Борьба между сторонниками и противниками реформ в среде высшей бюрократии была очень острой. Она, в частности, ярко проявилась уже в 40-х годах XIX в., когда начатые реформы были фактически прерваны из-за отставки великого везира Решид-паши, вызванной происками реакционеров и консерваторов²¹. Этот эпизод можно оценивать не только как временную победу консервативных сил. Он весьма примечателен и тем, что показывает, до какой степени проведение реформ зависело от личной деятельности представителей бюрократии. Нельзя при этом не согласиться с выводами А. Д. Новичева о том, что «консерваторы обладали большей силой, чем реформаторы. Их влияние на широкие массы турецкого населения, главным образом благодаря духовенству, было несравненно большим и глубоким, базировалось на давних традициях»²². Вместе с тем реальностью остается тот факт, что реформы танзимата развивались, несмотря на ожесточенное сопротивление консервативных сил, что эти реформы стали важнейшим этапом социально-политического прогресса, без которого невозможно было бы возникновение в Османской империи конституционного движения 60—70-х годов. Что же касается реформаторского движения эпохи танзимата, то новая прослойка османской бюрократии, претерпевшая серьезные изменения в общественном сознании, образовательной подготовке, социально-политических оценках, являлась в то время единственной реальной прогрессивной политической силой страны и главной социальной опорой танзиматских реформ.

Оценивая роль бюрократии нового типа в турецком реформаторском движении, следует отметить, что в конкретных исторических условиях первой половины XIX в. в Османской империи еще не созрели иные социальные силы, способные стать опорой и двигателем дела буржуазных реформ.

На следующем этапе реформаторского движения в Османской империи, в годы борьбы за первую турецкую конституцию, происходит новый важный социальный сдвиг. Если возникновение бюрократии нового типа означало существенный сдвиг в одном из традиционных социальных слоев османского общества, то появление молодой турецкой интеллигенции было принципиально новым событием — в политической и культурной жизни появляется совершенно новая социальная прослойка, которая с середины 50-х годов постепенно начинает оказывать влияние на общественно-политическую жизнь страны. С рождением этой новой социальной прослойки существенно возрастает значимость тех сил, которые проявляют стремление к экономическому и культурному прогрессу Османской империи. С молодой турецкой интеллигенцией связан (социально и психологически) последний этап танзиматских реформ, хотя внешне — до периода борьбы за первую турецкую конституцию — руководство реформами оставалось в руках столичной высшей бюрократии.

В конце 50-х — начале 70-х годов был проведен ряд значительных реформ, завершивших эпоху танзимата. В их числе были Закон о земле 1858 г., дополненный рядом важных аграрных законов в 1867—1869 гг., законодательства коммерческое (Коммерческий процессуальный кодекс 1861 г.), уголовное (Уголовный кодекс 1858 г.) и гражданское (Гражданский кодекс 1869 г.), значительные законодательные перемены в сфере судопроизводства, расширявшие роль и значение светских судов, преобразования в административной системе (Закон о вилайетах 1864 г.) и реформы, направленные на улучшение и упорядочение деятельности провинциальных органов власти. За эти годы немало изменений претерпели и центральные османские органы власти. В 1868 г. был создан уже упоминавшийся Государственный совет. В конце 50-х — начале 60-х годов был создан ряд новых министерств (юстиции, просвещения, общественных работ, по делам вакфов). В 1869 г. был принят закон о реорганизации вооруженных сил по французскому образцу. Значительные реформы, как отмечалось выше, в рассматриваемый период были проведены в области просвещения — расширение сети начальных и средних светских школ, открытие ряда специальных учебных заведений, создание первого лицея и первого университета.

Реформаторы периода проведения данных реформ постепенно обретали новую опору в лице все более крепнущей социальной прослойки — молодой турецкой интеллигенции, становление и развитие которой теснейшим образом связано с танзиматскими реформами предшествующего периода, в частности с весьма серьезными сдвигами в области образования и просвещения.

Новая светская школа насчитывала к началу 60-х годов многие сотни учителей, военные и гражданские медицинские школы пополнили ряды интеллигенции значительным числом врачей. Зарождение и постепенное развитие турецкой государственной и частной прессы привели к формированию еще одного отряда интеллигенции — журналистов. Многие по-европейски образованные офицеры, особенно офицеры-специалисты — инженеры, фортификаторы, артиллеристы, навигаторы, — составляли значительную группу военной интеллигенции, которая в вопросах социально-политического и государственного устройства страны стояла на передовых позициях. Из числа прогрессивно настроенной интеллигенции в определенной мере формировались новые кадры столичной бюрократии 60-х — начала 70-х годов. Они попадали в канцелярии министерств и других государственных ведомств, где их пребывание создавало определенную психологическую атмосферу, благоприятную для дела реформ.

Особенно значительную роль сыграло появление в 60-х годах XIX в. турецкой частной прессы, со страниц которой, как известно, стали пропагандироваться идеи европеизации и модернизации государственных институтов страны, прогресса ее просвещения и культуры²³. Таким образом, на заключительном этапе танзиматских реформ их проведение происходило в условиях появления такого принципиально нового фактора, как общественное мнение. Для политической и общественной жизни страны очень существенным было то, что проблемы реформ вышли за пределы довольно узкого круга представителей бюрократии, стали рассматриваться и обсуждаться деятелями интеллигенции и, что особенно важно, звучать со страниц частных газет. Появление общественного мнения стало тем фактором, который, с одной стороны, был продуктом деятельности молодой турецкой интеллигенции и, с другой — стимулировал процесс пропаганды идей реформ.

Какими путями шел процесс формирования новой социальной прослойки? Характерные черты этого процесса можно сформулировать так: становление и развитие новой светской школы, возникновение первых научных и просветительских обществ, быстрый рост периодической печати, в особенности частной прессы, все возрастающее и резко расширявшееся знакомство с культурными и научными достижениями государств буржуазной Европы. Все эти факторы определяли и стимулировали количественный и качественный рост новой турецкой интеллигенции.

Знакомство с биографиями ряда наиболее видных представителей этой интеллигенции (Намыка Камала, Ибрагима Шинаси, Нури-бея, Мехмед Эмин-бея, Асаф-бея, Агяха-эфенди, Ахмеда Мидхат-эфенди, Реджаизаде Экрема, Али Суави и дру-

гих лиц²⁴) показывает, что новая интеллигенция происходила из различных традиционных социальных слоев османского общества. Вместе с тем очевидно, что значительную ее часть составляли выходцы из военно-бюрократической среды. Эта новая социальная прослойка получила примерно то же образование, что и представители османской образованной верхушки. Но для многих, если не для большинства, примечателен особый интерес к европейской, особенно французской, культуре, хорошее знакомство с ней. Объективные потребности страны определяли пути практической деятельности новой интеллигенции, которая складывалась из преподавателей новых светских учебных заведений, военных специалистов, врачей, литераторов и журналистов.

Представители этих новых для Османской империи профессий в своей непосредственной практической деятельности создавали основы новой, нетрадиционной культуры. Именно в это время в стране происходит особо заметный процесс отхода от средневековых литературных канонов²⁵, появляется первый профессиональный театр европейского типа²⁶, получает развитие совершенно новый жанр газетной публицистики. Этот же период отмечен активной пропагандой культурных и политических ценностей западноевропейских стран, получившей свое отражение в многочисленных переводах на турецкий язык литературных образцов Запада, в постановке адаптированных драматургических произведений европейских авторов. Большая часть этой новой интеллигенции, преподаватели гражданских и военных учебных заведений, появившихся в период танзимата, внесли весомый вклад в распространение естественнонаучных знаний в стране, активно влияя на формирование последующей генерации светской интеллигенции.

Важно отметить, что характерной чертой деятельности османских литераторов и журналистов этого периода было сочетание литературной и журналистской работы с государственной службой. И для этой же части новой интеллигенции в особенности характерен особый интерес к общественно-политической деятельности. Достаточно вспомнить в данной связи имена Ибрагима Шинаси, Намыка Кемаля, Зин-паши, Али Суави, Ахмеда Мидхата. При этом главным жизненным интересом этой интеллигенции, даже и находившейся на государственной службе в османских канцеляриях, была литературно-общественная деятельность. В ее представителях не заметно стремления к бюрократической карьере, до тех пор считавшейся наиболее социально престижной. Ее новые стремления — активный интерес к культурной, общественной и политической жизни страны — явился движущей силой их практической деятельности. Инструментом проявления этого интереса и средством его реализации стали литература и журналистика. Именно они позво-

лили вынести на более широкое общественное обсуждение актуальные проблемы жизни страны, в частности значительно расширить круг сторонников реформ. Интеллигенция, таким образом, стала выполнять важную социальную функцию агитатора движения за реформы. Весьма примечательны в этом отношении путь и деятельность Ибрагима Шинаси²⁷. Благодаря деятельности этой части новой интеллигенции движение за реформы выходит за пределы правительственных ведомств и канцелярий. Впервые в истории страны идеи реформ, содержащиеся в бюрократических докладных записках (ляиха) или хатт-и хумаюнах, получают массовое распространение в среде широкой читающей публики.

Важнейшей чертой первых представителей турецкой интеллигенции, как уже было отмечено выше, было их ярко проявившееся стремление к общественно-политической деятельности. Оно получило особенное выражение в попытке создания первой политической организации в Османской империи, известной как Общество «новых османов», большинство членов которой составляли представители молодой турецкой интеллигенции²⁸.

Известно, что деятельность этой организации стала отправной точкой конституционного движения в Османской империи. День создания этого общества в июне 1865 г. стал, без преувеличения, важнейшей вехой в превращении османской самодержавной империи в конституционно-монархическое государство. Весьма примечателен состав членов Общества «новых османов». По словам Намыка Кемаля, одного из лидеров и идеологов этой тайной политической организации, большинство членов организации и ее сторонников складывалось из военных, моряков, медиков, литераторов и издателей. Костяк организации и ее руководство составляли представители молодой турецкой интеллигенции. Для биографий большинство руководителей характерно то сочетание литературной или журналистской деятельности с правительственной службой, о котором говорилось выше. В этом плане особенно примечательны биографии Намыка Кемаля и Зия-бея. Но говоря о социальном составе общества, нельзя не обратить внимание и на то, что среди его руководителей и особенно активных деятелей было много юношей — выходцев из богатых бюрократических семей, а также ряд крупных военных и гражданских сановников (Мустафа Асым-паша — помощник министра полиции, Омер Нанли-паша — командующий стамбульским гарнизоном и ряд других лиц). В процессе зарождения первой в истории Османской империи турецкой политической организации впервые слились воедино два социальных слоя, возникшие в результате реформ первой половины столетия, — реформаторски настроенная бюрократия нового типа и молодая интеллигенция. Заметим сразу

же, что интересы и устремления этих двух группировок далеко не во всем совпадали. В вопросах реформирования государственного устройства и политической системы страны представители молодой интеллигенции шли гораздо дальше деятелей бюрократии. Именно интеллигенция и ее лидеры (Намык Кемаль, Зия, Али Суави) сформулировали на страницах эмигрантской прессы «новых османов» лозунги борьбы за провозглашение конституции, дали этим идеям теоретическое обоснование. Разный подход различных групп к одним проблемам отразился во многих делах Общества «новых османов», но особенно ошутим он стал в период борьбы за провозглашение первой турецкой конституции.

Слияние двух движущих сил реформаторского и конституционного движения выразилось, в частности, в деятельности лидера конституционалистов Мидхат-паши. Это был типичный представитель бюрократии нового типа, прошедший всю школу танзиматских реформ, человек, пользовавшийся поддержкой Решид-паши. Полгода, проведенные в Европе, укрепили в нем убежденность в том, что страна остро нуждается в действенных реформах. Эта убежденность выразилась в конкретной деятельности Мидхат-паши на разных постах в государственном аппарате империи, где он был одним из самых результативных реформаторов в самой практике проведения реформ²⁹. В то же время Мидхат-паша оказался одним из первых бюрократов эпохи танзимата, выступивших в поддержку конституционных идей «новых османов».

Конкретные исторические обстоятельства в развитии Османской империи конца 60-х — начала 70-х годов требовали расширения круга целей и задач реформаторских преобразований в османском обществе. Это диктовалось целым рядом экономических и политических факторов. Постепенное втягивание страны в мировой капиталистический рынок, в процессе которого определялась подчиненная роль Османской империи, превращавшейся в полуколонию развитых капиталистических стран Европы, приводило к неизбежным изменениям в социальной и экономической жизни страны. Национально-освободительные движения этого же периода в экономически и социально более развитых балканских провинциях расшатывали основы политической власти султана и турецкой правящей верхушки. В этот же период с очевидностью выявилось финансовое банкротство страны, резко ухудшавшее ее общее экономическое положение. В то же время внутренняя политика султана Абдул Азиза I и его непосредственного придворного окружения, никак не содействовавшая делу реформ, сковывала реформаторскую инициативу тех представителей бюрократии, которые выступали за расширение сферы реформ. Самым ярким представителем этой группы бюрократии явился Мидхат-паша. Однако непрео-

долимой преградой на пути расширения дела реформ стояла политика Абдул Азиза I, абсолютистская власть турецкого султана. Далеко не «просвещенный» абсолютизм турецких султанов, особенно в лице Абдул Азиза I, а затем и Абдул Хамида II, оказался мощным препятствием на пути установления хоть каких-либо норм, ограничивавших прерогативы верховной власти. Именно поэтому вопрос о форме государственного политического правления, вопрос о прерогативах высшей законодательной и исполнительной власти в стране, впервые выдвинутый молодой турецкой интеллигенцией в лице «новых османов», нашел отклик в среде той бюрократии, которая была движущей силой танзиматских реформ. Идея ограничения власти султана через конституцию и парламент была поддержана этой бюрократией в интересах проведения дальнейших реформ. Так на последнем этапе реформ эпохи танзимата тесно смыкаются две социальные силы, явившиеся выразителями идеи реформ рассматриваемого периода. Усиление и расширение социальной базы движения за реформы наряду с рядом внешнеполитических факторов создало благоприятные условия для успеха борьбы за провозглашение первой турецкой конституции 1876 г., которая идеологически была обеспечена многолетней общественно-политической деятельностью «новых османов». В этом успехе не меньшую роль сыграла поддержка Мидхат-паши и его сторонников из среды столичной бюрократии.

Однако провозглашение конституции и созыв парламента не смогли сыграть той роли, которую предназначали этим институтам власти их создатели, видевшие в них неперемennое условие проведения дальнейших реформ. Кратковременность существования конституции и деятельности парламента показывает преждевременность их появления в Османской империи этого периода, хотя эти события явились важным этапом в ее поступательном развитии. Можно говорить о том, что политическое развитие страны явно опередило ее социально-экономическое развитие, провозглашение конституции вскрыло слабость социальной базы буржуазных реформ. Более того, появление конституции и парламента в этот период особенно остро выявило еще очень крепкую реакционную силу абсолютистской власти султана, которая, защищая свои прерогативы, породила особо тяжелую форму деспотии — режим зулюма Абдул Хаида II. С фактической отменой конституции и разгромом первого турецкого парламента бюрократия нового типа потеряла свою былую политическую роль и перестала быть ведущей силой реформ. Можно говорить о том, что бюрократия нового типа в движении за реформы исчерпала себя к концу 70-х годов как сила, способная вести преобразования в структуре османского государства, что обусловливалось социальной и политической ограниченностью этой движущей силы реформ эпохи

танзимата. Между тем возрастает роль другой политической силы — молодой турецкой интеллигенции, кадры которой составили в конце века политическое ядро и движущую силу младо-турецкого движения³⁰. Оно уже не отражает верхушечные задачи реформаторского движения, а выражает коренные интересы буржуазного развития Турции.

Анализ социальных сил, являющихся движущими силами реформаторского движения в Османской империи в XIX в., имеет принципиальное значение для оценки характера и направленности этого движения. То обстоятельство, что во главе реформ стояли представители тех слоев, которые по своему характеру и происхождению были еще во многом связаны с феодальным османским государством, тот факт, что буржуазные элементы, уже существовавшие в стране, но еще очень слабые экономически и совершенно бесправные политически, не участвовали в движении за реформы, неизбежно обусловили ограниченность как самих реформ, так и идеологии реформаторов. Вместе с тем, как было показано выше, конкретные условия Османской империи той поры сделали первых реформаторов из среды бюрократии передовой силой общественно-политического развития, способной отражать интересы прогрессивного развития страны. И если эти реформаторы эпохи танзимата смогли подняться до борьбы за провозглашение конституции и создание парламента, то это оказалось возможным лишь в результате влияния и поддержки другой социальной силы — молодой турецкой интеллигенции, которая сама явилась продуктом эпохи реформ.

¹ Эта статья представляет собой текст нашего доклада, зачитанного на симпозиуме в Страсбурге (Франция) в июле 1980 г. и опубликованного в сборнике материалов симпозиума в 1983 г. (см.: *Economie et société dans l'Empire Ottoman, fin de XVIII—début de XX siècle*. P., 1983). В этом сборнике по ошибке издателей указана лишь фамилия одного из авторов.

² См., например: Смирнов В. Д. Кучибей Гомюрджинский и другие османские писатели XVII в. о причинах упадка Турции. СПб., 1873; Тв е р и т и н о в а А. С. Второй трактат Кочибей.— «Ученые записки Института востоковедения АН СССР». Т. 6. М.—Л., 1953; она же. Социальные идеи в турецких дидактических политико-экономических трактатах XVI—XVII вв.—«Труды XXV Международного конгресса востоковедов». Т. 2. М., 1963; и др.

³ О них см.: Kağal E. Z. Selim III-ün hatt-ı humayunları. *Nazam-i cedit*. 1789—1807. Ankara, 1946; он же. *Nizam-i cedide dair layihalar*, 1792.—«*Tarih vesikalari*». 1942, с. 1, № 6; 1942, с. 2, № 8; 1943, с. 2, № 11.

⁴ См.: Faik Reşit Unat. *Osmanlı sefirleri ve sefaretnameleri*. Ankara, 1968, с. 154—162.

⁵ О них см.: Новичев А. Д. История Турции. 2. Новое время. Ч. 1 (1792—1839). Л., 1968, с. 216—278; он же. История Турции. 3. Новое время. Ч. 2 (1839—1853). Л., 1973, с. 109—198; он же. История Турции. 4. Новое время. Ч. 3 (1853—1875). Л., 1978, с. 82—254; Ш а б а н о в Ф. Ш. Государственный строй и правовая система Турции в период танзимата. Баку, 1967; Lewis B. *The Emergence of Modern Turkey*. London—New York—Toronto, 1965; *Political Modernization in Japan and Turkey*. Princeton, 1964; В е r k e s N.

The Development of Secularism in Turkey. Montreal, 1964; Karal E. Z. Osmanlı tarihi. С. 5. Ankara, 1961; С. 6. Ankara, 1954; Kaупаг R. Mustafa Reşit Paşa ve Tanzimat. Ankara, 1954.

⁶ Новичев А. Д. История Турции. 2. Новое время Ч. 1, с. 232.

⁷ См.: Желтяков А. Д., Петросян Ю. А. История просвещения в Турции (конец XVIII—начало XX вв.). М., 1965.

⁸ О них см.: Шабанов Ф. Ш. Государственный строй и правовая система Турции..., с. 110—125.

⁹ Новичев А. Д. История Турции. 3. Новое время. Ч. 2, с. 120.

¹⁰ Gövsa J. A. Türk meşhurları ansiklopedisi, с. 322.

¹¹ Там же, с. 322.

¹² Там же, с. 34; Lewis B. The Emergence of Modern Turkey, с. 341.

¹³ См.: Новичев А. Д. Али-паша — лидер движения за реформы в Турции (танзимата) в 50—70-х гг. XIX в.—«Вестник Ленинградского университета». 1977, № 8, с. 56—64; Фадеева И. Л. Основные черты программы османских реформаторов 50—60-х гг. XIX в. Али-паши и Фуада-паши.—«Народы Азии и Африки». 1978, № 4, с. 118—126.

¹⁴ Gövsa J. A. Türk meşhurları ansiklopedisi, с. 144—145; Шабанов Ф. Ш. Государственный строй и правовая система в Турции..., с. 117.

¹⁵ Gövsa J. A. Türk meşhurları ansiklopedisi, с. 26—27.

¹⁶ Тодорова М. Н. Состав правящей элиты Османской империи в период реформ (1826—1878).—Тюркологический сборник, 1976. М., 1978, с. 153—162.

¹⁷ Chambers R. L. The Civil Bureaucracy (Turkey).—Political Modernization in Japan and Turkey. Princeton, 1964, с. 301.

¹⁸ Об этом см.: Новичев А. Д. Али-паша...; Фадеев И. Л. Основные черты программы османских реформаторов...

¹⁹ Фадеева И. Л. Основные черты программы османских реформаторов..., с. 123.

²⁰ Chambers R. L. The Ottoman Ulema and the Tanzimat.—Scholars, Sants and Sufis. Muslim Religious Institutions in the Middle East since 1500. Berkeley—Los Angeles—London, 1972, с. 38—39.

²¹ А. Д. Новичев. Борьба между реформаторами и консерваторами в период танзимата (1839—1853).—Тюркологический сборник 1973. М., 1975, с. 82—108.

²² Там же, с. 108.

²³ Желтяков А. Д. Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции (1729—1908). М., 1972, с. 68—83.

²⁴ См.: Gövsa J. A. Türk meşhurları ansiklopedisi.

²⁵ См.: Кямилев Х. У истоков современной турецкой литературы. М., 1967.

²⁶ См.: Фадеева И. Е. Первый турецкий профессиональный театр.—«Народы Азии и Африки». 1972, № 3.

²⁷ Mardin S. The Genesis of Young Ottoman Thought. Princeton, 1962, с. 256—275.

²⁸ Подробнее см.: Петросян Ю. А. «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции. М., 1958, с. 34—70.

²⁹ О его деятельности см.: Фадеева И. Е. Мидхат-паша. Жизнь и деятельность. М., 1977.

³⁰ Об этом см.: Петросян Ю. А. Младотурецкое движение (вторая половина XIX—начало XX в.). М., 1971.